

Через десять минут автобус остановился, ученики медленно вышли и забрали багаж. Юй Жань, тащивший на спине гору размером с целую гору и ещё волочивший за собой большой чемодан, как и следовало ожидать, отстал от группы. Когда Фан Чжао и остальные уже выбрали себе койки в общежитии, они спустились вниз и помогли ему затащить вещи наверх.

— Юй Жань, что это у тебя там звенит и грохочет?

— спросил его парень.

Юй Жань небрежно бросил:

— А, это для хого.

Парня, задавшего вопрос, звали Чжоу Вэйси, он был одноклассником, с которым Юй Жань недавно сблизился. На самом деле поначалу они друг друга на дух не переносили. Чжоу Вэйси считал Юй Жана шумным, грубым и слишком хулиганистым; а Юй Жань думал, что Чжоу Вэйси слишком любит выпендриваться, то и дело вставляя в речь древние стихи или английские фразочки, и постоянно таскает с собой складной веер, которым размахивает туда-сюда — так и хотелось ему врезать.

Однажды на уроке истории Юй Жана снова вызвал к доске старший преподаватель Сюань. Он мялся и не мог ничего ответить, но тут с нескольких метров его перебил Чжоу Вэйси, добавив в конце насмешку: «И это ты не знаешь?»

Юй Жань тогда разозлился:

— Тебя кто просил отвечать за меня? Что у тебя за язык такой?

Чжоу Вэйси легко сложил веер и медленно произнёс:

— Мне надоело твоё копание. Ду ю андерстенд?

Юй Жань хлопнул ладонью по парте, чуть не бросившись к нему:

— Андерстенд ту эгг! Ты китаец — не корчи из себя иностранца!

Их вражда, начавшаяся на истории, разрешилась на физкультуре. Причиной стала игра, популярная по всему Китаю и не теряющая актуальности среди школьников-мальчишек, — «аруба».

В таком северном городе, как Жунган, это поведение в просторечии называлось «посадить на дерево». «Сажать»

— глагол, обозначающий действие, когда группа парней поднимает одного, держит его за руки, разводит ему ноги и затем ударяет или трёт его половыми органами о твёрдый предмет. Твёрдыми предметами обычно служили деревья или перила, но могли быть и кактусы, дубинки с шипами, и даже потолок, вентилятор или другой парень...

Чжоу Вэйси был тем, кого в классе «сажали» чаще всех, потому что его манерные, с кислинкой речи и впрямь просили «воспитания». От дверной рамы класса до мультимедийного компьютера, от центральной клумбы до помоста для ведущего — каждый уголок школы Чэнцзюнь хранил хаотичные следы того, как класс «сажал» Чжоу Вэйси. Этим утром Юй Жань даже подозревал, что медную конную статую у входа в школу разбили именно они.

Чувства между парнями всегда крепнут в ходе бесконечных потасовок и подколов. Вскоре у Чжоу Вэйси появилось прозвище — «Чжоу Шужэнь».

А через несколько дней это прозвище превратилось в «Братец Ча».

— Братец Ча, ты на верхней или на нижней?

— Юй Жань, разложив вещи, обсуждал с Чжоу Вэйси распределение коек. В итоге они просто сыграли в «камень-ножницы-бумага», Юй Жань с сожалением проиграл и выбрал верхнюю полку.

Он достал постельное бельё, приготовленное Ли Гуйжун, застелил койку и, подняв голову, заметил, что Чу Мяннь находится на соседней верхней полке; расстояние между их подушками было не больше десяти сантиметров. Юй Жань подполз ближе и спросил:

— Тебе нравится спать наверху?

Чу Мяннь, разглаживая чистое бельё, ответил:

— Мне не нужно проходить подготовку.

Забираться на верхнюю полку каждый раз по лестнице — хлопотно, особенно когда после тренировки все хотят просто упасть и отдохнуть. У Чу Мяннь была болезнь сна, и чрезмерное утомление на сборах могло усугубить симптомы; руководство разрешило ему всё время быть наблюдателем. Расположение койки для него было неважно, так что лучше уступить удобное место другим.

В коридоре инструктор засвистел, подгоняя их быстрее переодеться в военную форму и выходить на построение.

Юй Жань закатал штанины; камуфляж в сочетании с его белыми кроссовками «Адидас» делал его ещё более бодрым и подтянутым.

Все переоделись, собрались на улице и выстроились по общежитиям.

Инструктор свистнул и крикнул:

— Кто хочет быть старостой комнаты — выйти из строя!

Юй Жань как раз тихо перешёптывался и смеялся с соседом, как вдруг кто-то сильно толкнул его в спину. Он споткнулся и чуть не врезался в инструктора.

— Бля, Чу Мянью, ты охренел...

— Юй Жань обернулся, скрежеща зубами.

Чу Мянью стоял прямо, с лёгкой усмешкой и приподнял бровь.

Юй Жана заставили стать старостой комнаты. В его обязанности входило каждый день будить всех и пересчитывать людей; если кто-то в комнате ошибался, ему тоже приходилось разделять наказание.

Когда всех старост выбрали, инструктор навёл порядок и повёл отряд на собрание, посвящённое началу военных сборов. Мужское общежитие находилось далеко от места проведения собрания; когда они прибыли, там уже собралось много классов.

Однако не прошло и минуты, как Чу Мянью стал центром внимания окружающих девчонок.

У юноши и без того были прекрасные черты лица, а в глазах всегда сквозило какое-то отстранённое, холодное высокомерие. Эта отчуждённость как раз и была тем, что больше всего очаровывало девушек. Особенно сейчас, когда он, как и все, был одет в камуфляж, его уникальный темперамент сразу выделил его из толпы.

Они видели, как Чу Мянью изредка улыбался, разговаривая с парнем, который присел завязать шнурки; выражение его лица не было нежным, скорее напоминало насмешку. Когда стоявший рядом парень поднялся и повернулся лицом, девичьи сердца снова не выдержали и взорвались — внешность этого парня была совершенной противоположностью темпераменту Чу Мянью: изящная и мужественная красота, в чертах лица — энергия и живость, резкость, но без потери приветливости.

С начала и до конца собрания оба юноши прочно приковывали к себе внимание сверстниц. Некоторые даже умудрились написать записку, чтобы сунуть им.

Однако на лице Чу Мяня крупными буквами было написано «Не подходи», и они не решились просто так подойти заговорить, поэтому сосредоточили свои цели на Юй Жане.

— Что это?

— Юй Жань развернул записку, увидел ряд цифр и погрузился в глубокие раздумья, а голос его стал низким: — Это таинственное число, кажется, предвещает какую-то будущую катастрофу... М-да, я понял. Спасибо, что рисковала жизнью, передавая мне эту информацию.

Нахмутив брови, он многозначительно кивнул девушке.

Чу Мянь наклонился к нему и спросил:

— Что они тебе написали?

— Шифр, — с серьёзным видом ответил Юй Жань.

— На самом деле я не знаю, какая организация взяла меня на прицел. Пойду потом изучу значение этого кода.

Чу Мянь вытащил у него из рук записку, прочитал, только улыбнулся и вернул обратно.

После собрания инструкторы повели классы в столовую на обед. Сразу же предъявили строгие требования к осанке: если кто-то засмеётся, все должны будут сделать пятнадцать приседаний. К тому времени, когда начали раздавать миски и палочки, у всех уже немного подкашивались ноги.

Чу Мянь, пообедав, пораньше ушёл на дневной сон. Юй Жань и остальные отдохнули недолго, и вскоре началась послеобеденная тренировка.

— Чу Мянь, твоего старосты комнаты не будет, води себя хорошо, — Юй Жань затянул ремень, подпрыгнул несколько раз и сказал искренним тоном: — В дверь никому не открывать, к розеткам не прикасаться, понял?

Чу Мянь, лежа на койке, перевернулся, посмотрел на Юй Жана внизу и, в кои-то веки, подыграл ему:

— Тогда не забудь взять ключ, староста.

— Ага, я пошёл.

— Уголки губ Юй Жаня дрогнули в улыбке; он взял флягу и складной стульчик и неторопливо вышел.

Чу Мянью лёг поудобнее, закрыл глаза и смутно слышал, как внизу инструктор подаёт команды. Через некоторое время всё стихло, и он, выровняв дыхание, погрузился в сон.

На этот раз ему приснился тёмно-синий кит в небе, который плыл среди облаков и, казалось, издавал жалобный крик. К сожалению, будучи человеком, он не мог слышать издаваемый им ультразвук и лишь следовал за ним сквозь день и ночь. Сон был лишён каких-либо эмоций, начался бесшумно и закончился ровно, а время в реальном мире, замедленное им, растянулось с полудня до самых сумерек.

Когда Чу Мянью проснулся, было уже почти темно. В комнате свет не горел. Он привстал, потягиваясь, и заметил внизу светящийся экран чьего-то телефона.

— Ты один?

— спросил его Чу Мянью.

— Включи свет.

Юй Жань убрал телефон и щёлкнул выключателем. Яркий свет залил комнату. Чу Мянью, прищурившись, посидел на койке, приходя в себя, а потом снова посмотрел на Юй Жаня.

Он прищёлкнул языком и, повернувшись лицом к стене, сказал:

— Юй Жань, надень штаны.

— Чего надевать? Я собираюсь в душ, сначала зашёл за тобой.

Сейчас на Юй Жане были только чёрная майка и, ниже, плавки-треугольники. Его длинные, стройные и белые ноги были полностью оголены.

Он взял подготовленные шампунь и гель для душа, поднял голову и поторопил Чу Мянью:

— Пошли! Сейчас есть горячая вода, а позже точно остынет.

— Не пойду, — Чу Мянью опустил голову, стараясь не смотреть на тело Юй Жаня.

— Я чуть позже схожу помыться в комнату для преподавателей, заранее договорился с учителем истории.

— А? Почему не хочешь с нами?

— Юй Жань с недоумением посмотрел на него.

— Или у тебя маленький член и боишься, что мы увидим?

Вопрос касался достоинства, и Чу Мянью, напрягшись, чуть ли не выпалил:

— А ты разве не щупал, какой он?

— А, точно, — Юй Жань чуть не забыл, что сам однажды прочувствовал форму Чу Мянью.

— М-да, как будто вырастил Хулува: на одной лозе семь цветочков.

Чу Мянью, сидя на койке, сжал кулаки; суставы пальцев отчётливо хрустнули несколько раз.

Он, не в силах больше терпеть, повернулся, чтобы выругаться, но, едва переведя взгляд, снова наткнулся на голые ноги Юй Жана. Фигура юноши была стройной и пропорциональной, мускулатура ног идеально сочеталась между крепкостью и худобой. Когда ноги были выпрямлены, они казались немного костистыми, на коленях, которые явно часто обо что-то ударялись, кожа была белой с розовым отливом.

Слова Чу Мянью, уже готовые сорваться с языка, превратились в одно-единственное раздражённое:

— Юй Жань, надень штаны.

— Надену, потом снимать — морока, — Юй Жань стянул полотенце.

— Ты чего? То не идёшь с нами мыться, то заставляешь меня штаны надевать, больной, что ли?

Чу Мянью сдержал гнев и сказал:

— Это ты сам бесстыжий.

— Бля, — Юй Жань со стуком поставил таз на пол, быстрым шагом подошёл к койке Чу Мянью и, задрав голову, угрожающе произнёс: — Веришь, я сейчас прямо трусы сниму? Посмотришь хоть раз — и ты тоже будешь бесстыжим!

С этими словами он кончиками пальцев подцепил край плавок.

Чу Мянью быстро зажмурился и отвернул лицо в сторону. Он почувствовал, что койка зашаталась; прислушавшись, понял, что Юй Жань взбирается по лестнице вверх.

— Юй Жань, слезай!

— Чу Мянью крепко зажмурился, покраснев от щеки до самого уха, и, впервые в жизни, сказал:
— Проваливай!

Он знал, что Юй Жань уже забрался, его дыхание было совсем рядом, и, возможно, он был голым.

На пределе нервного напряжения Чу Мянью услышал, как Юй Жань тихо произнёс рядом:

— Не бойся. Ай, да перестань я дразнить, посмотри, как ты перепугался.

— Юй Жань, опёршись руками на постель, дышал, и его смех касался уха Чу Мянью.

— Я же полотенцем прикрылся. Хочешь посмотреть — я тебе всё равно не дам.

Чу Мянью слегка расслабил брови, но всё равно не поверил его словам и продолжал упорно сидеть с закрытыми глазами.

— Держи молоко.

— Юй Жань положил пакет на одеяло Чу Мянью.

— Ты же в школе каждый день его пьёшь. Наше место сборов рядом с ларьком, я как раз могу тебе приносить.

В ежедневном рационе Чу Мянью молоко было обязательным, но брать жидкость в чемодан было неудобно, поэтому он решил просто потерпеть несколько дней.

Только нащупав рукой трубочку на пакете с молоком, Чу Мянью медленно открыл глаза; краем глаза он скользнул взглядом по верхней части койки Юй Жанью — тот и правда был честно обернут полотенцем до пояса.

— Почему не хочешь вместе мыться?

— Юй Жань уставился на его лицо.

— Вместе мыться — это же весело.

Чу Мянью, думая об устройстве северных общественных бань, испытывал лишь отвращение. Он не мог смириться с необходимостью стоять голым перед такой толпой людей, когда между ними нет ни капли достоинства и приличия.

Юй Жань, вглядываясь в уклончивый взгляд Чу Мянью, не удержался и спросил:

— Чу Мянью, ты что, стесняешься?

Глава 17

В огромной мужской бане клубился пар, не стихали смех и возня парней. Юй Жань, растирая лицо, вошёл с тазом, чтобы переодеться.

Фан Чжао заранее занял два дополнительных места под душем. Увидев, что Юй Жань пришёл один, он спросил, где Чу Мянью.

— Он не хочет мыться с другими, стесняется, — Юй Жань отвернул кран, и тёплая вода хлынула потоком.

— Все мужики, чего стесняться... А, я понял, — на лице Фан Чжао была пена от шампуня; он, прищурившись, повернулся к Юй Жаню.

— Чу Мянью, что ли, боится «мыло поднять»?

— Это что? Я часто вижу это слово в интернете.

Фан Чжао решил, что прилюдно объяснять неудобно, поэтому быстро смыл пену с лица, шагнул ближе к Юй Жаню и зашептал:

— Ну, когда ты моешься, нагибаешься поднять мыло, то задница оказывается направлена на других, и тут в неё могут... воспользовавшись моментом!

Его выражение лица и последние слова были весьма многозначительны. Юй Жань обдумал это пару раз и переспросил Фан Чжао:

— А как именно «воспользовавшись моментом»?

Фан Чжао загадочно улыбнулся:

— Это уже не передать словами, только сердцем почувствовать.

— Правда?

— Юй Жань поднял руку и ловко сбил мыльницу Фан Чжао на пол.

— Покажи наглядно.

Фан Чжао:

— Бля!

Белый кусок мыла «Сафгвард» плавал на скользком полу, медленно двигаясь по течению воды к ногам Фан Чжао. У того волосы на голове встали дыбом, а ноги непроизвольно сжались.

Юй Жань усмехнулся:

— Ну давай, показывай быстрее.

— Ты, ты думаешь, меня этим возьмёшь?

— Фан Чжао не желал уступать. Сначала он огляделся, убеждаясь, что рядом нет подозрительных личностей, затем выпрямил спину, сделал глубокий вдох, а потом согнул ноги в коленях и с глухим стуком рухнул на колени, с видом, полным достоинства.

Он громко расхохотался:

— Ха-ха! Не ожидал, Юй Жань! Неужели я стану по-настоящему нагибаться и тебе показывать?!

Однако, когда его пальцы почти дотянулись до лежащего перед ним мыла, Юй Жань поднял ногу и отбросил его в сторону. Благодаря скопившейся на полу воде, белый кусок мыла стремительно улетел прямо в гущу людей и остановился перед могучим старостой второго класса.

— Юй Жань, твою мать!

— Фан Чжао, перепугавшись до смерти, изменился в лице.

Юй Жань хохотал так, что плечи тряслись, и ему пришлось опереться о стену, чтобы стоять

ровно. Он смотрел, как Фан Чжао, с видом приговорённого к смерти, поднялся, подошёл туда и, чтобы поднять мыло, прямо в толпе сделал шпагат, а затем, словно спасаясь бегством с поля боя, улизнул обратно к нему, выдав подряд несколько ругательств.

— Юй Жань, ты погоди! Я позову народ, и тебя посадят на дерево!

— Фан Чжао, в ярости от стыда, бросил угрозу.

— Посадят на мусорку! На трактор! На электролампочку!

Он, не дожидаясь Юй Жаня, быстро собрал туалетные принадлежности, схватил полотенце и ушёл, гордо вскинув голову.

Незаметно в бане становилось всё меньше людей. Юй Жань промок до нитки; он не спешил намыливаться гелем, а сначала наслаждался ощущением, как тёплая вода скользит по коже, вызывая лёгкое покалывание. Он так и стоял, подставившись под струи, и предавался размышлениям, мысли его легко переплетались с воздухом.

Боль на щеке уже давно прошла. Юй Жань машинально поднял руку и сжал то место, где только что ущипнул его Чу Мянью.

Затем он тихо рассмеялся, про себя удивляясь: до чего же странный парень этот Чу Мянью, совсем не похож на всех его прежних одноклассников. Такой сдержанный и элегантный, даже во время потасовок не бьёт сильно, самое большее — ущипнёт за щёку, до смешного по-детски. Но иногда он бывает и властным, говорит раз и навсегда, приказным тоном сообщает, что делать и чего не делать, как строгий взрослый.

Юй Жань, сам того не замечая, вспоминал разные поступки Чу Мянью, и когда он, глупо улыбаясь, пришёл в себя, в душевой уже никого не было, кроме него самого.

Стемнело. Осенней ночью температура заметно упала. На улице, в чёрной майке, Юй Жань немного замёрз, но в комнате общежития стало лучше.

<http://bllate.org/book/15486/2299019>